

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 130.2:304.2:378.1:008.2:004

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-3-7-18>

Социально-философские основания спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» для магистрантов классических университетов

Екатерина Николаевна Винокурова¹, Ирина Петровна Кужелева-Саган²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *c.vinokurova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8229-7278>*

² *ipsagan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5560-4018>*

Аннотация

Основной целью статьи является экспликация социально-философских оснований спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» для магистрантов классических университетов. Кроме этого, обоснована своевременность создания и внедрения спецкурса в программы магистратуры и специализированного высшего образования классических университетов в контекстах трансформации системы высшего образования РФ и рискованного характера современного цифрового общества. Приведены задачи и тематический план спецкурса. Описан опыт его апробации в Национальном исследовательском Томском государственном университете в рамках программы магистратуры «Цифровой бренд-менеджмент» по направлению подготовки 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью».

Ключевые слова: *высшее образование, классический университет, магистрант, риски цифрового общества, социальное прогнозирование, художественная антиутопия, социально-философские основания*

Для цитирования: Винокурова Е.Н., Кужелева-Саган И.П. Социально-философские основания спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» для магистрантов классических университетов // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2025. Вып. 3 (61). С. 7–18. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-3-7-18>

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

Socio-philosophical foundations of the special course “Anti-utopias as artistic projections of the digital society risks” for master’s students of classical universities

Ekaterina N. Vinokurova¹, Irina P. Kuzheleva-Sagan²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *c.vinokurova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8229-7278>*

² *ipsagan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5560-4018>*

© Е.Н. Винокурова, И.П. Кужелева-Саган, 2025

Abstract

The aim of the article is to explicate the socio-philosophical foundations of the special course “Anti-utopias as artistic projections of the digital society risks” for master’s students of classical universities. These socio-philosophical foundations include the concept of risk society and world risk society by U. Beck; the critical theory of digitalisation and communication by D. Berry and K. Fuchs; the concept of future prediction by J. Urry; the theory of the social construction of reality by P. Berger and T. Lukmann; the concept of the self-fulfilling prophecy by R. Merton; the concept of the imaginary presented in the works of J.-P. Sartre and N.N. Suvorov, as well as critical discourse analysis (CDA) by N. Fairclough. The article provides the substantiation of the timeliness of the development and implementation of the special course in the programs of Master’s degree and specialized higher education of classical universities in the context of the Russian higher education system transformation and the risky nature of the modern digital society. The article presents the tasks and thematic plan of the special course. It describes the experience of its approbation in the National Research Tomsk State University within the framework of the Master’s program “Digital Brand Management” in the direction of training 42.04.01 “Advertising and Public Relations”. The results of the special course “Anti-utopias as artistic projections of the digital society risks” approbation demonstrated the interest of master’s students in exploring the potential of anti-utopian literature to identify and structure the risks of the digital society in order to develop further strategies for their prevention and prejudice.

Keywords: *higher education, classical university, master’s student, risks of digital society, social forecasting, artistic anti-utopia, socio-philosophical foundations*

For citation: Vinokurova E.N., Kuzheleva-Sagan I.P. Sotsial’no-filosofskiye osnovy spetskursa “Antiutopii kak khudozhestvennyye proyektzii riskov tsifrovogo obshestva” dlya magistrantov klassicheskikh universitetov [Socio-philosophical foundations of the special course “Anti-utopias as artistic projections of the digital society risks” for master’s students of classical universities]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2025, vol. 3 (61), pp. 7–18. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-3-7-18>

Разработка и внедрение любой дисциплины и любого спецкурса в программы высшего образования должны учитывать не только внутренние рамки – современный образовательный контекст, но и внешние: общие социально-политические, экономические и технологические условия, в которых находится общество на данном этапе своего развития, а также цели, к которым оно стремится в близкой и отдаленной перспективах. Система высшего образования в России с 2023 г. претерпевает кардинальные изменения, суть которых состоит в отказе от Болонской системы и формировании новой модели высшего образования, основные принципы которой заключаются не только в усилении практико-ориентированности вузовской подготовки, но и ее фундаментальных начал [1]. В этом контексте на базе университетов открываются специальные структуры (технопарки, инжиниринговые центры и т. п.), способствующие достижению технологического суверенитета страны, работе системы высшего образования на опережение, обучению студентов навыкам разработки новых, преимущественно цифровых, технологий и их трансфера в реальную экономику [2], поскольку именно цифровые технологии и технологии с применением искусственного интеллекта (ИИ) составляют основу функционирования современного общества и представляют собой главный драйвер его трансформаций. При этом преимущества развития таких технологий сопровождаются множеством социальных и антропогенных рисков, среди которых социальное неравенство, тоталитаризм и постоянный контроль; замещение человека искусственным интеллектом; повышение военного противостояния государств; применение ядерного и биологического оружия и др., что метафорично сближает картину современного цифрового общества с депрессивно-фантастическими полотнами нидерландских художников – Иеронима Босха, Питера Брейгеля Старшего, а также сюжетами литературных художественных антиутопий.

Соответственно, учитывая высокую антропосоциальную рискогенность современного цифрового общества, вызванную развитием и трансформацией цифровых технологий, важно обучать студентов не только навыкам создания и внедрения новых технологий, но и прогнозирования рисков их применения в настоящем и будущем, а также разработке стратегий по минимизации и преодолению данных рисков. По мнению авторов данной статьи, такое прогнозирование и стратеги-

рование – это компетенция, которой к окончанию вуза должны обладать студенты классических университетов, обучающиеся по программам магистратуры и специализированного высшего образования социально-гуманитарной направленности. Она сочетает в себе фундаментальный, научно-исследовательский характер и практико-ориентированность, позволяя им становиться «экспертами XXI в. по вопросам будущего» [3, с. 191], поскольку большую часть «выпускников классических университетов составляют специалисты в области гуманитарных и социально-экономических наук» [4, с. 36], которые, в свою очередь, «формируют представления людей о путях общественного развития, предлагают способы решения сложных социальных проблем» [4, с. 36].

Можно предположить, что формирование компетенции прогнозирования и стратегирования будущего как основная дидактическая задача может решаться прежде всего в рамках спецкурсов социально-философского характера, предмет которых непосредственно касается будущего. Учитывая отсутствие «литературы из будущего» [5, с. 462], источниковой базой данных курсов является не только собственно философская и научная литература, но и художественная научная фантастика, представляющая собой «литературу о будущем» [5, с. 462]. Произведения этого жанра «посвящены не столько технологиям, мегатенденциям и предсказаниям», сколько «будущему людей» [6, с. 173]. Согласно Э. Тоффлеру, именно художественную научную фантастику следует включить в список обязательной литературы в рамках курсов «о будущем» [5, с. 463]. Она является источником образов возможного будущего, которые необходимо «организовать, кристаллизовать в структурированную форму» [5, с. 507]. Поиск образов будущего в произведениях научной фантастики, их организация и структурирование должны стать одними из основных результатов обучения в рамках курсов «о будущем».

Еще одна промежуточная гипотеза состоит в том, что в контексте осознания рискогенного характера современного цифрового общества одним из «лучших профилактических средств от потрясений будущего» [5] является анализ художественных (изобразительных и литературных) антиутопий как разновидности научной фантастики. В данном случае антиутопия представляет собой форму социального прогнозирования, которая, будучи художественным воображаемым, содержащим критический компонент, обладает «ценностью поливариантного предвидения будущего» [7, с. 84], так как позволяет «...к знаниям, почерпнутым из опыта и науки... добавить воображение, подозрение, вымысел и страх» [8, с. 6]. Благодаря такому инсценированию, или мысленному воплощению мирового риска, «будущая катастрофа становится настоящим»; и с целью ее избежания либо предотвращения как «самоисполняющегося пророчества» «принимаются значимые решения в настоящем времени» [8, с. 10].

Исходя из всего сказанного выше, разработка и включение в программы магистратуры и специализированного высшего образования классических университетов социально-философского спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» (автор-разработчик – Е.Н. Винокурова) представляется весьма своевременным делом. Весь спецкурс рассчитан на 36 часов, из которых 24 часа отводится на аудиторные занятия и 12 часов – на самостоятельную работу. Главная цель спецкурса – формирование у студентов соответствующих представлений об антиутопиях как художественных формах и практиках социального прогнозирования и стратегирования в контексте рискогенности современного цифрового общества с опорой на соответствующие социально-философские теории и концепции.

Задачи спецкурса: 1) знакомство с понятийно-категориальным аппаратом («антиутопия», «утопия», «дистопия», «какотопия» и пр.); 2) развитие системных представлений о генезисе возникновения антиутопий как художественных форм и практик социального прогнозирования; 3) формирование навыков социально-философского анализа текстов художественных антиутопий на предмет выявления в них потенциала прогнозирования развития общества в ближайшем и отдаленном будущем, обусловленного дальнейшим совершенствованием цифровых технологий и искусственного интеллекта; 4) развитие критического мышления и умения экстраполировать художественные антиутопические образы-концепты на современную практику цифрового общества. Соответственно, структура спецкурса включает следующие тематические блоки: 1. Введение в проблематику спецкурса, его базовые понятия; 2. Генезис возникновения антиутопий как художественных форм и практик социального прогнозирования; 3. Социально-философские теории и концепции как инструменты анализа художественных антиутопий и их возможностей в прогнозировании бу-

дущего; 4. Критический анализ основных трендов и стратегий технологического развития цифрового общества через призму образов-концептов художественных антиутопий.

Одно из важных конструктивных мест в логике спецкурса отведено самостоятельной работе обучающихся, которая заключается в подготовке аналитической записки и электронной презентации по итогам самостоятельно проведенного социально-философского исследования одного из предложенных текстов литературных антиутопий¹ на тему «Сбывшиеся и сбывающиеся риски технологического развития цифрового общества». Магистрантам предлагается на основе прочитанной антиутопии сформулировать уже осуществившиеся и начавшие осуществляться риски технологического развития цифрового общества, о которых посредством художественных образов-концептов предупреждает тот или иной писатель-антиутопист. Каждый из выявленных в результате такого анализа рисков необходимо проиллюстрировать цитатой из книги, содержащей описание образа-концепта, отсылающего к конкретному риску применения той или иной цифровой или ИИ-технологии; а также примером из социальной практики. Данный формат самостоятельной работы способствует не только закреплению полученных магистрантами знаний в соответствии с задачами и содержанием спецкурса, но и развитию у них самостоятельного критического мышления. Сформированность обозначенных компетенций имеет большое значение и непосредственно связана с профессиональной траекторией студентов, поскольку им как будущим исследователям, управленцам и экспертам в различных сферах функционирования цифрового общества необходимо знать и предупреждать социальные, антропогенные и иные риски разного уровня и масштаба, связанные с применением все новых и новых цифровых и ИИ-технологий.

Социально-философский спецкурс «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» универсален, т. е. может быть интегрирован в программы магистратуры и специализированного высшего образования по любым направлениям подготовки в классических университетах, что обусловлено его связью с современным контекстом цифрового общества, направленностью в будущее, а также гибкостью, сочетанием исследовательской и практической составляющей.

В ноябре – декабре 2024 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете (НИ ТГУ) в рамках программы магистратуры «Цифровой бренд-менеджмент» по направлению подготовки 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью» состоялась апробация спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества». В апробации приняли участие магистранты первого курса (15 человек). Данный спецкурс является логикотематическим дополнением к курсам первого семестра, реализуемым параллельно в рамках учебной программы, среди которых «Философские и художественные проекции Общества-Сети», «Прикладная семиотика и цифровая антропология в брендинге», «Технологии психологического воздействия в сетевом цифровом информационном пространстве», «Межкультурная сетевая коммуникация» и «Правовое регулирование новых медиа». Кроме того, «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» представляет собой своеобразный социально-философский предиктор, способствующий успешному освоению курсов второго семестра – «Языковые технологии искусственного интеллекта в профессиональной сфере» и «Технологии управления общественным мнением в цифровом сетевом обществе».

Результаты апробации спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» показали заинтересованность магистрантов в изучении потенциала антиутопических произведений для выявления и структурирования рисков цифрового общества с целью разработки

¹ Для самостоятельного исследования магистрантам предлагаются антиутопии доцифровой и цифровой эпохи. Основным критерий выбора антиутопий – это репрезентация в них через образы-концепты рисков разных уровней и масштабов, связанных с развитием технологий. В список предлагаемых для анализа антиутопий входят: «Автостопом по Галактике» Д. Адамса (1979); «Улики» (1946) и «Роботы и Империя» (1986) А. Азимова; «Корм» М. Андерсона (2002); «Эревон» С. Батлера (1872); «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери (1953); «Культура, Экссесс» И. Бэнкса (1996); «Нейромант» У. Гибсона (1984); «Крушение мира» У. Гроува (1889); «Мечтают ли андройды об электроовцах?» Ф. Дика (1968); «Мы» Е. Замятина (1920); «Глобальный человек» А. Зиновьева (1997); «Сумма технологий» С. Лема (1963); «Река Богов» И. Макдональда (2004); «Киберзолушка» М. Мейер (2012); «Суперигрушек хватает на все лето» Б. Олдисса (1969); «S.N.U.F.F.» (2011), «Transhumanism Inc.» (2021) и «Круть» (2024) В. Пелевина; «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» Н. Стивенсона (1995); «Хищные вещи века» (1965) и «Спонтанный рефлекс» (1968) А., Б. Стругацких; «Пересмешник» У. Тевиса (1980); «Гуманоиды» Дж. Уильямсона (1948); «Машина времени» Г. Уэллса (1895); «R.U.R.» («Rossum's Universal Robots») К. Чапека (1920); «Страж-птица» Р. Шекли (1953) и др.

дальнейших стратегий по их предотвращению и предубеждению. О данной заинтересованности свидетельствуют некоторые из суждений магистрантов:

«В начале курса у меня был „жгучий интерес“: как же „еще тогда“ антиутописты могли предугадать риски? И ведь их книги мы сейчас лучше понимаем, потому что видим в реалиях, как сбылись описанные ими риски. Эти книги написаны для нас, это книги с отложенным эффектом. Я никогда не увлекалась фантастикой, причем научной фантастикой. Прочитав „Спонтанный рефлекс“ братьев Стругацких я поняла, что данный жанр литературы очень увлекателен. Я искренне увлеклась рассказами одногруппников о рисках, которые предугадали авторы книг еще в конце XIX, начале и середине XX века»¹ (В. Р.);

«Этот курс – важное напоминание о том, чего нельзя допускать в развитии нас лично и в развитии нашего мира. Честно скажу, я сама не прочитала бы антиутопию, потому что это не мой жанр, однако, после прочтения и заслушивания одногруппников захотелось прочитать и их книги тоже. Мне захотелось переосмыслить процессы, происходящие в мире. И, наверное, все же (лично для меня) хочется обратиться к регламентам, больше почитать про безопасность для того, чтобы использовать технологии во благо и поддерживать мир технологий с осторожностью» (Е. С.);

«Когда я приступил к освоению курса, я ожидал посвящения занятий разбору фантастических антиутопий. Во время занятий я понял, насколько сильно художественные произведения привязаны к современному технологическому и политическому контексту» (М. П.);

«Изначально у меня было больше вопросов, посвященных тому, насколько антиутопии можно считать реальными предсказаниями будущего, однако, в процессе занятий я понял, что их ценность заключается не в точных прогнозах, а в образном описании рисков развития общества (сбывшихся и сбывающихся). Я по-новому взглянул на технологии – не только как на инструменты прогресса, но и как на потенциальный источник конфликтов и дисбалансов» (О. Ш.).

Учитывая социально-коммуникативную специфику направления подготовки «Реклама и связи с общественностью», на базе которого проводилась апробация данного социально-философского спецкурса, большая часть магистрантов в рамках самостоятельной работы в анализируемых текстах антиутопий оказалась способной выявить риски информационно-коммуникативного характера. Например, риск превращения данных пользователей в товар, риск манипуляции общественным мнением с использованием технологий искусственного интеллекта, риск утраты критического мышления, риск контроля за человеком с помощью алгоритмов социальных сетей и пр. При обсуждении полученных результатов в рамках освоения спецкурса и их потенциальной применимости магистранты отметили, что могут использовать приобретенные знания и навыки для разработки коммуникативных кампаний, направленных на информирование, просвещение и предупреждение общественности о настоящих и будущих рисках цифрового общества. По сути, коммуникативные кампании такого рода помогут общественности изменить мышление, сделать его более критическим и одновременно более конструктивным.

Учитывая в большой степени социально-философский характер спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества» и отсутствие аналогов подобных спецкурсов в российских классических университетах, возникла необходимость поиска наиболее релевантных для данного спецкурса социально-философских оснований как сочетания определенных теорий и концепций, дополняющих друг друга. Таковыми, по мнению авторов данной статьи, являются указанные далее концепции.

Концепция общества риска и мирового общества риска У. Бека [8, 9] является основополагающей для разработки спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества». Современное цифровое общество характеризуется нарастанием сложности, в том числе повышением сложности рисков, что обусловлено эволюцией и трансформацией цифровых технологий. С одной стороны, растущее количество цифровых технологий и их интеграция в различные сферы делают жизнь человека проще и комфортнее; с другой – усложняют ее, обрекая человечество на борьбу с рисками, источниками которых они являются. Усложнение характера рисков позволяет говорить о том, что современное цифровое общество представляет собой не просто общество риска, а мировое общество риска, в контексте которого сами риски приобретают глобаль-

¹ Здесь и далее в суждениях магистрантов полностью сохраняются орфография и синтаксис их авторов.

ный характер, преодолевая национальные границы [9]. Основными чертами глобальных рисков, так или иначе представляющих собой следствие развития технологий, являются делегализация, некалькулируемость и некомпенсируемость. *Делегализация* означает, что причины и последствия рисков не ограничиваются конкретным временем, пространством и социумом. *Некалькулируемость* предполагает невозможность просчета последствий глобальных катастроф как результата «становления риска в реальности». *Некомпенсируемость* – необратимость последствий рисков. Некомпенсируемость принципиально отличает глобальные риски современного цифрового общества от рисков общества европейского модерна, когда последствия угроз считались компенсируемыми и обратимыми [10]. Согласно У. Беку, еще одним отличием рисков современного общества от рисков индустриального общества является отсутствие их обусловленности прошлым, «прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место – как причина нынешней жизни и деятельности – приходит будущее, т. е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное» [11, с. 175–176]. Учитывая новые качества рисков современного цифрового общества, разрушение логики компенсации и ее замену принципом «предосторожности через предотвращение» [9, с. 334], представляется важным «предвидеть и предотвращать риски, существование которых не доказано» [9, с. 334].

Сложность современного цифрового общества и характер его рисков также позволяет объяснить предложенная У. Бекон концепция метаморфоз современного мира. Согласно данной концепции, цифровой прогресс преобразует социальную реальность, становясь не просто движущей силой социальных изменений и трансформаций, а источником фундаментальных изменений – метаморфоз, которые вызывают «непреклонный шок», разрушая антропологические константы привычного существования [12] и изменяя «восприятие этого мира, а также образ мысли и способ осуществления политики» [13, с. 76]. При этом У. Бек подчеркивает, что в современном обществе, подверженном метаморфозам, риски имеют не только негативные побочные эффекты, что было характерно для индустриального общества, но и сами подвергаются метаморфозам, становясь носителями «освобождающих» положительных побочных эффектов. Суть «освобождающих» положительных побочных эффектов рисков заключается в том, что их предвосхищение способствует изменению способов мышления и поведения, создавая новые «нормативные горизонты общего блага» [13, с. 75–76].

Критическая теория цифровизации и коммуникации современных исследователей Д. Берри [14] и К. Фукса [15], способствующая критическому осмыслению рисков цифровых технологий и их влияния на социальные процессы. Необходимо заметить, что Д. Берри не использует понятие «цифровое» применительно к современному обществу. Вместо него он оперирует понятием «вычислительное», или «софтверизированное», общество, основу которого составляют вычислительные системы, стремящиеся к реификации¹ всех аспектов повседневной жизни. Вычислительные технологии (например, спутниковая навигация, ноутбуки, планшеты, смартфоны, электронные книги и др.), направленные на мониторинг и контроль поведения, заключают человека в своеобразную «алгоритмическую клетку», механизмируя процессы его мышления и формируя определенные модели его поведения. Д. Берри отмечает, что в основе подобных технологий лежит калькулятивная и вычислительная рациональность. Эти рациональности формируют новые формы неравенства и управления, которые не были характерны для предыдущих типов обществ. Данные формы управления осуществляются с помощью программного кода, заложенного разработчиками цифровых устройств, что позволяет им быть изначально «паноптическими». Согласно Д. Берри, рациональность, закодированная в вычислительных технологиях, представляет собой форму инструментальной рациональности, принимающей вид автоматизированной, предписывающей рациональности. Соответственно, критическое осмысление самих вычислительных (цифровых) технологий и их использования способствует предвосхищению их рисков «на пути реализации проекта освобождения человека» [14, с. 13].

К. Фукс обращается к работам теоретиков франкфуртской школы – Г. Лукача, Т. Адорно, Г. Маркузе, А. Хоннета, Ю. Хабермаса – и рассматривает применимость критических положений

¹ Реификация в философском смысле означает процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены.

их теорий к современному цифровому обществу, технологиям и коммуникациям. Так, например, он применяет диалектику Г. Маркузе для объяснения диалектики, которую формируют цифровые медиа – медиалиалектики. Согласно Г. Маркузе, человеческая практика формирует будущее особенно в ситуациях разрывов и кризисов в обществе. Эта логика, согласно К. Фуку, распространяется и на цифровое медиапространство, задающее определенные формы поведения в обществе.

В современном цифровом обществе стираются границы между игрой и трудом, формируется новая стратегия управления и идеология – «игровой труд» (Playbour) [15, с. 212], которая скрывает механизмы эксплуатации за многочисленными зонами отдыха и развлечений в офисах, что присуще в настоящее время крупным компаниям, в частности работающим в области цифровых технологий. В данном случае «игра подчиняется логике эксплуатации труда, т. е. класса» [15, с. 212]. Социальные сети, по мнению К. Фука, подчиняются иной логике, логике «обратного товарного фетишизма» [15, с. 213]. При этом коммуникация в социальных сетях маскирует фетишизм и эксплуатацию цифрового труда пользователей. К. Фукс считает, что современное общество является «отчужденным обществом», поскольку в нем люди отчуждены от его сущности. Цифровые технологии и медиа – это инструменты господства в «отчужденном обществе». В этом обществе цифровая идеология и практика слежки создают тоталитарную систему контроля, «в которой граждане становятся террористами и преступниками» [15, с. 218]. Кроме того, цифровая идеология оправдывает реификацию цифровых медиа. Несмотря на пессимистичность К. Фука в отношении цифрового общества, технологий, он считает, что цифровые медиа – это одновременно и технологии господства, и технологии освобождения. Однако эти аспекты в современном обществе распределены неравномерно, что обусловлено его «отчужденным», классовым характером. Согласно Фуку, только грамотная политическая практика, выстроенная на основе критического анализа цифрового общества и его технологий, может привести общество к его освобождению.

Концепция прогнозирования будущего Дж. Урри [6], который в своей работе *What is the future?* (2016) обосновывает актуальность прогнозирования будущего, рассматривая многочисленные попытки его предвосхищения, визуализации и конкретизации. Его позиция состоит в том, что будущее – «„чужая страна“ теперь везде» [6, с. 9], и современное общество, социальные науки не должны его пропустить. Более того, значительная часть исследований в рамках социальных наук должна быть направлена на анализ будущего, а также на изучение рисков и экстраполяцию настоящего на будущее. В данном контексте Дж. Урри предлагает целую группу методов прогнозирования будущего, в том числе включающих в себя «извлечение уроков из прошлого», «изучение „несостоявшихся“ вариантов будущего», «экстраполирование элементов настоящего». «Извлечение уроков из прошлого» как метод прогнозирования будущего состоит в рассмотрении способов, траекторий развития технологий и идей, особенностей их принятия как данности в прошлом, а также «в изучении предыдущих попыток прогнозирования будущего» [6, с. 135]. Одним из источников концепций будущего, по мнению Дж. Урри, а также других исследователей (Э. Тоффлера, Т. Биртчелла, Б. Джонсона, Н. Колли, Е.А. Андреева, С.С. Бреги, И.Д. Тузовского, О.Н. Халуторных, В.И. Филатова и др.), являются произведения научной фантастики, в частности антиутопии, поскольку они «могут служить пугающим предостережением ныне живущим о необходимости изменить направление развития человечества, отказавшись от привычного образа жизни и выбрав иной путь» [6, с. 143–144]. «Изучение „несостоявшихся“ вариантов будущего» заключается в исследовании «несостоявшихся» прогнозов будущего, предсказывающих изменения переломного характера, которые в реальности не наступили. «Экстраполирование элементов настоящего» представляет собой метод прогнозирования будущего, когда один из элементов настоящего рассматривается в качестве ключевого механизма предсказуемого развития будущего.

Несмотря на предложенный инструментарий предвосхищения будущего, Дж. Урри считает его прогнозирование самой сложной задачей «из-за множества взаимозависимых условий, которые связаны с появлением новых парадигм, убеждений, практик и технологий, которые в определенный момент могут проявить себя непредсказуемым образом, став «черным лебедем»¹. Тем не менее значимость исследований различных вариантов будущего связана «со способностью социальных акторов формировать будущее или даже „иметь“ будущее» [6, с. 287]. Иными словами, знание

¹ Здесь Дж. Урри опирается на метафору Н. Талеба, используемую им в книге «Черный лебедь: под знаком непредсказуемости».

прогнозов будущего и рисков, которые оно несет, способствует разработке управленческих стратегий разных уровней и масштабов.

Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [16] – еще одно значимое основание для разработки данного спецкурса и объяснения потенциала антиутопий с целью прогнозирования будущего общества и способности социальных акторов формировать будущее. Согласно этой теории, общество представляет собой единство объективной (институциональной) и субъективной (содержащейся в сознании) реальности. Объективная реальность конструируется человеком, однако затем воспринимается им «как нечто совсем иное, чем человеческий продукт» [16, с. 102]. В этом и состоит основной парадокс конструирования социальной реальности. Сама «взаимосвязь между человеком – создателем и социальным миром – его продуктом» носит диалектический характер – «продукт оказывает обратное воздействие на производителя» [16, с. 102]. Иными словами, человек конструирует социальную реальность и социальная реальность создает человека. В конструировании социальной реальности значимое место занимает процесс легитимации, заключающийся в «объяснении» и оправдании институционального порядка, а также в «когнитивном обосновании объективированных значений» [16, с. 153] с помощью языка. При этом конструированные реалии получают «объяснения» и оправдания «не только на уровне своего фактического существования, но и на уровне культурного символизма» [16, с. 157], что обусловлено символическими универсумами, составляющими четвертый уровень легитимации. П. Бергер и Т. Лукман под символическими универсумами понимают «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности», т. е. «матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [16, с. 157]. Ситуации «маргинальной жизни» (сны, фантазии и пр.), не включенные в реальность повседневного существования в обществе и наделенные собственной реальностью, также составляют часть символического универсума. При этом, однако, в смысловом универсуме эти ситуации маргинальной жизни вместе с собственными реальностями «интегрированы в смысловую целостность, которая объясняет их» [16, с. 157] и делает «ipso facto доступными для понимания и менее ужасными» [16, с. 160], упорядочивая их реальности таким образом, что «реальность повседневной жизни сохраняет качество верховной определяющей реальности» [16, с. 161]. П. Бергер и Т. Лукман отмечают способность символического универсума упорядочивать историю, связывать «коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее» [16, с. 168], создавая «память» по отношению к прошлому и общую систему отсчета по отношению к будущему «для того, чтобы индивид мог планировать свои действия» [16, с. 168].

В данном контексте антиутопии можно рассматривать как средства конструирования социальной реальности, инструменты легитимации и часть символического универсума, создающего систему отсчета по отношению к будущему. Поскольку антиутопии представляют собой источники концепций будущего, форму социального прогнозирования, то, с одной стороны, их авторы являются социальными акторами конструирования реальности, в том числе реальности «маргинальной жизни». С другой стороны, реальность антиутопий связана с социальной реальностью не только потому, что социальная реальность находит отражение в сюжетных элементах антиутопий, но и сама реальность антиутопий непосредственно участвует в процессе конструирования социальной реальности, так как антиутопии подвергаются в настоящее время рефлексии, выявлению новых смыслов, поиску образов-концептов рисков современного общества, тем самым позволяют другим социальным акторам – экспертам конструировать социальную реальность, исходя из выявленных рисков. Перефразируя П. Бергера и Т. Лукмана, можно сказать, что антиутопии конструируют социальную реальность и сама реальность создает антиутопии.

Концепция «самосбывающихся (самоисполняющихся) пророчеств» Р. Мертона [17], основанная на теореме В. Томаса, позволяет объяснить механизм исполнения антиутопических прогнозов и противодействия их исполнению. Основной смысл данной концепции состоит в следующем: публичное определение ситуации (пророчества или предсказания) становится неотъемлемой частью этой ситуации и, таким образом, влияет на последующие события. «Самосбывающееся пророчество» – это, согласно Р. Мертону, «ложное определение ситуации, вызывающее новое поведение, которое делает изначально ложное представление истинным» [17, с. 195]. Однако Р. Мер-

тон описывает не только «механизм» исполнения пророчеств, но и противодействия их исполнению. Суть противодействия состоит в критическом осмыслении ситуации, когда «первоначальное предположение подвергается сомнению, и вводится новое определение ситуации» [17, с. 197], соответственно, последующие события опровергают первоначальное предположение. Р. Мертон считает, что «самосбывающееся пророчество», посредством которого страхи преобразуются в реальность, действует только при отсутствии преднамеренного институционального контроля [17]. Следовательно, критическое осмысление ситуации и отказ от социального фатализма со стороны управленческих субъектов будет способствовать избеганию исполнения пророчества. В свете данной концепции антиутопические прогнозы представляют собой «самосбывающиеся пророчества», исполнение которых необходимо избежать благодаря грамотным действиям социальных акторов.

Концепция воображаемого, представленная в работах французского философа Ж.-П. Сартра [18] и современного отечественного философа Н.Н. Суворова [19], позволяет раскрыть сущность антиутопии как воображаемого. Ж.-П. Сартр под воображаемыми объектами понимает «смесь прошлых впечатлений и недавних знаний» [18, с. 90]. Согласно Н.Н. Суворову, воображаемое представляет собой ментальную конструкцию, состоящую «из образов реального и нереального миров» и объединяющую «следы жизненного опыта и отвлеченные фантазии». Воображаемое связано с реальностью – событием, которое предшествует его появлению, «сопровождает воображаемую реальность, является ее оправой и панорамой – воображаемым событием, и с тем, что следует за воображаемым, порождается им, проявляется в новой перегруппировке бытия – в новом событии» [19, с. 73].

Учитывая специфическую черту антиутопий – критический характер описания реальности, конструирование реальности «эпохи после прогресса», заключающейся в «системном регрессе» [6, с. 64], следует, что антиутопии представляют собой критическое воображаемое. Именно критическое воображение позволяет им одновременно являться социальным воображаемым, находящимся между реальностью и фантазией. Реальность как компонент воображаемого способствует репрезентации в антиутопиях определенного социально-исторического опыта и контекста, в том числе связанного с социальными проблемами, опасениями и рисками, которые угрожают человечеству в конкретный исторический момент времени. Реальность является «исходной точкой» для «активации» второго компонента воображаемого – фантазии. В итоге объединение реальности и фантазии, заключающейся в инсценировании страха, катастрофы как неотъемлемых элементов будущего развития общества, позволяет антиутопиям конструировать реальность и прогнозировать социальные проблемы и риски, которые могут осуществиться в будущем, поскольку в антиутопиях происходит своеобразная «перегруппировка бытия – в новом событии» [19, с. 73].

Так, антиутопии как критическое воображаемое способствуют тому, что конструируется реальность превращения риска в катастрофу, что «порождает побуждение к действию» [9, с. 332] с целью избегания исполнения «самосбывающегося пророчества». Решения о тех или иных действиях на основе критического осмысления реальности должна принимать управленческая элита общества, которую составляют выпускники магистратуры классических университетов – «лучшие из лучших среди профессионалов, готовых к новым свершениям, к инновационной деятельности в разных сферах общественной жизни» [20, с. 34]. Данные решения могут касаться не только прямого предотвращения определенного риска, но и носить косвенный, коммуникативно-психологический характер, быть направленными на изменение способов мышления и поведения, «восприятия этого мира, а также способов воображения». В таком случае в обществе появляются новые представления, модели поведения, социальные идеалы как определенный ответ социальной системы на конкретный риск. Это является ничем иным, как «освобождающим» побочным положительным эффектом глобального риска» [13, с. 79] в контексте современного цифрового общества.

Критический дискурс-анализ (КДА) Н. Фэркло [21], имеющий статус междисциплинарной методологии (лингвистика и социальная философия). Его цель – выявление определенного социального контекста, «стоящего за устной или письменной речью, в исследовании взаимосвязи между языком и социальными процессами» [22, с. 2]. Иными словами, критический дискурс-анализ способствует пониманию социальной реальности, исторического контекста, степени технологического развития общества как определенного фона, «исходной точки» для создания художественных антиутопий, представляющих собой «критические» описания реальности. КДА ориентирован

на анализ социальных проблем и рисков, репрезентируемых в устной и письменной речи. Более того, согласно Н. Фэркло, в рамках критического дискурс-анализа сам дискурс рассматривается как форма «социальной практики». Подобное описание дискурса означает диалектическое отношение между отдельным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его формируют [21], т. е. язык, будучи многофункциональным, является социально детерминированным и одновременно конституирующим социальное. По мнению Н. Фэркло, использование языка одновременно конституирует социальные идентичности, социальные отношения и системы знаний и убеждений. Операционализируя теоретические рассуждения, Н. Фэркло предлагает проводить критический дискурс-анализ по трем измерениям дискурсивного события: дискурсивное событие как 1) *текст*; 2) *дискурсивная практика*; 3) *социальная практика*. На уровне текста анализируются содержание и форма, на уровне дискурсивного события – связь между текстом и социальной практикой, а на уровне социальной практики – социальный и институциональный контекст. Таким образом, подход Н. Фэркло является операционализированным вариантом теории социального конструирования реальности, который позволяет проанализировать антиутопии не только как социально детерминированную сущность, но и как средство конструирования социальной реальности.

Таковы в целом социально-философские основания спецкурса «Антиутопии как художественные проекции рисков цифрового общества», позволившие его слушателям увидеть в антиутопиях потенциал социального прогнозирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фальков анонсировал переход на новую модель высшего образования в 2025 году // Взгляд. Деловая газета. 17 декабря 2024 г. URL: <https://vz.ru/news/2024/12/17/1304016.html> (дата обращения: 19.02.2025).
2. Глава Минобрнауки России предложил выйти из парадигмы слепого копирования чужого опыта // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 27 июня 2022 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/53282/> (дата обращения: 19.02.2025).
3. Adam B., Groves C. Future matters: Action, knowledge, ethics. Boston: Brill, 2007. 236 p.
4. Прокопьев В.П. О признаках классического университета // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2 (13). С. 35–39.
5. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 557 с.
6. Урри Д. Как выглядит будущее?: пер. с англ. / под науч. ред. С. Щукиной. М.: РАНХиГС, 2018. 320 с.
7. Филатов В.И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник ОмГУ. 2014. № 4 (74). С. 84–86.
8. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.
9. Beck U. Living in the world risk society // Economy and Society. 2006. Vol. 35, № 3. P. 329–345.
10. Ломако О.М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. № 3. С. 265–269.
11. Бек У. Что такое глобализация?: пер. с нем. / под ред. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
12. Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 223 p.
13. Beck U. Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society? // Current sociology. 2015. Vol. 63, № 1. P. 75–88.
14. Berry D. Critical Theory and the Digital. London: Bloomsbury Publishing, 2014. 259 p.
15. Fuchs C. Critical Theory of Communication: New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. London: University of Westminster Press, 2016. 229 p.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
17. Merton K.R. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. 1948. Vol. 8, № 2. P. 193–210.

18. Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения: пер. с фр. / под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
19. Суворов Н.Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник СПбГИК. 2016. № 2 (27). С. 73–81.
20. Савинов Л.И., Лазарева З.Н. Роль магистратуры в развитии современного российского общества // Российский и зарубежный опыт реализации магистерских программ по направлению подготовки «социальная работа». Саранск: ИП Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2015. С. 31–36.
21. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. New York: Longman Group Limited, 1995. 265 p.
22. Прокошенкова Л.П., Гецкина И.Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // Вестник ЧГУ. 2006. № 4. С. 451–456.

References

1. Fal'kov anonsiroval perekhod na novuyu model' vysshego obrazovaniya v 2025 godu [Falkov announced the transition to a new model of higher education in 2025]. *Vzglyad. Delovaya gazeta*. 17 dekabrya 2024 g. (in Russian). URL: <https://vz.ru/news/2024/12/17/1304016.html> (accessed 19 February 2025).
2. Glava Minobrnauki Rossii predlozhl vyty iz paradigmy slepogo kopirovaniya chuzhogo opyta [The head of the Russian Ministry of Education and Science proposed to get out of the paradigm of blindly copying other people's experience]. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii*. 27 iyunya 2022 g. [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. June 27, 2022] (in Russian) URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/53282/> (accessed 19 February 2025).
3. Adam B., Groves C. *Future matters: Action, knowledge, ethics*. Boston, Brill, 2007. 236 p.
4. Prokop'yev V.P. O priznakakh klassicheskogo universiteta [On the attributes of a classical university]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, 2000, no. 2 (13), pp. 35–39 (in Russian).
5. Toffler A. *Future shock*. Random House Publishing Group, New York, 1984. 576 p. (Russ. ed.: Toffler E. Shok budushchego: per. s angl. Moscow, AST Publ., 2004. 557 p.).
6. Urry J. *What is the Future?* Polity Press, Cambridge, 2016. 200 p. (Russ. ed.: Urri D. Kak vyglyadit budushchee?: per. s angl. Moscow, RANHiGS Publ., 2018. 320 p.).
7. Filatov V.I. Antiutopiya XX veka kak metod predvideniya budushchego [Twentieth-century dystopia as a method of predicting the future]. *Vestnik OmGU – Herald of Omsk University*, 2014, no. 4 (74), pp. 84–86 (in Russian).
8. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.
9. Beck U. Living in the world risk society. *Economy and Society*, 2006, vol. 35, no. 3, pp. 329–345.
10. Lomako O.M. Mirovoye obshchestvo riska v politicheskoy filosofii Ul'rikha Beka: logika i ironiya [World Risk Society in Ulrich Beck's Political Philosophy: Logic and Irony]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2018, no. 3, pp. 265–269 (in Russian).
11. Beck U. *Was ist Globalisierung?* Suhrkamp Verlag, Berlin, 1997. 269 s. (Russ. ed.: Bek U. Chto takoye globalizatsiya? per. s nem. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. 304 p.).
12. Beck U. *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge, Polity Press, 2016. 223 p.
13. Beck U. Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society? *Current sociology*, 2015, vol. 63, no. 1, pp. 75–88.
14. Berry D. *Critical Theory and the Digital*. London: Bloomsbury Publishing, 2014. 259 p.
15. Fuchs C. *Critical Theory of Communication: New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. London: University of Westminster Press, 2016. 229 p.
16. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Penguin Books, London, 1991. 249 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya: per. s angl. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.).
17. Merton K.R. *The Self-Fulfilling Prophecy*. *The Antioch Review*, 1948, vol. 8, no. 2, pp. 193–210.
18. Sartre J.-P. *L'imaginaire: psychologie phénoménologique de l'imagination*. Gallimard, Paris, 1948. 246 p. (Russ. ed.: Sartre Zh.-P. Vobrazhayemoye: fenomenologicheskaya psikhologiya vobrazheniya: per. s frants. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. 319 p.).

19. Suvorov N.N. Nastupleniye voobrazhayemogo: voobrazhayemoye kak fenomen kul'tury [Offensive imaginary: imaginary as a cultural phenomenon]. *Vestnik SPbGIK – Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2016, no. 2 (27), pp. 73–81 (in Russian).
20. Savinov L.I., Lazareva Z.N. Rol' magistratury v razvitii sovremennoy rossiysskogo obshchestva [The role of Master's degree in the development of modern Russian society]. *Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt realizatsii masterskikh programm po napravleniyu podgotovki "sotsial'naya rabota"* [Russian and foreign experience in the implementation of master's programmes in the direction of training 'social work']. Saransk, Vyacheslav Sergeevich Afanasyev, Individual Entrepreneur Publ., 2015. Pp. 31–36 (in Russian).
21. Fairclough N. *Critical discourse analysis: the critical study of language*. New York, Longman Group Limited, 1995. 265 p.
22. Prokoshenkova L.P., Getskina I.B. Diskursivnyy analiz i yego rol' v sovremennoy lingvistike [Discourse analysis and its role in modern linguistics]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2006, no. 4, pp. 451–456 (in Russian).

Информация об авторах:

Винокурова Е.Н., старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: c.vinokurova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8229-7278>

SPIN-код автора: 7067-8065

Кужелева-Саган И.П., доктор философских наук, доцент, завкафедрой, руководитель лаборатории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: ipsagan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5560-4018>

SPIN-код автора: 1961-6838.

Researcher ID: O-1347-2014

Scopus ID: 56928407500

Information about the authors:

Vinokurova E.N., Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: c.vinokurova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8229-7278>

SPIN-код автора: 7067-8065

Kuzheleva-Sagan I.P., Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Social Communication, Head of the Laboratory of New Media Technology, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: ipsagan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5560-4018>

SPIN-код автора: 1961-6838.

Researcher ID: O-1347-2014

Scopus ID: 56928407500

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; принята к публикации 24.04.2025

The article was submitted 03.03.2025; accepted for publication 24.04.2025